

Вчера, 12-го мая, въ 3 ч. 5 м. дня, скончался нашъ знаменитый историкъ **Василій Осиповичъ Ключевскій.**

Памяти В. О. Ключевского.

Ужасный, зловѣщій, траурный годъ... Утрата за утратой, и каждая изъ нихъ несетъ съ собой глубокое, острое, духъ захватывающее горе. Еще звучатъ въ ушахъ погребальные напѣвы надъ гробомъ Муромцева, еще свѣжа душевная рана отъ ухода въ иной міръ Льва Толстого, — и снова у всей мыслящей Россіи дорогой покойникъ, съ кончиной котораго не хочетъ примириться ни умъ, ни чувство. Не стало Василя Осиповича Ключевского. Никто не ожидалъ этого новаго удара неумолимой судьбы. Еще совсемъ недавно я видѣлъ дорогаго учителя изнуреннымъ отъ затянувшейся болѣзни, но ничто не предвѣщало трагического исхода, и казалось, что еще такъ много силъ таится въ его организмѣ и что эти силы навѣрное справятся съ недугомъ. Его беседа, какъ всегда, ярко искрилась всѣми чарами его плѣнительнаго ума, и было видно, что, и прикованный къ постели, онъ живетъ полной жизнью, интересуясь всѣмъ окружающимъ и не отрываясь отъ научной работы: я засталъ его за чтеніемъ различныхъ монографій для пятаго выпуска его курса. И я ушелъ отъ него въ увѣренности, что скоро встрѣчусь съ нимъ уже внѣ стѣнъ лѣчебнаго заведенія.

И вотъ, — все кончено. Краса и слава московскаго университета, краса и слава русской научной мысли, краса и слава русскаго художественнаго слова — похищена у насъ жадной рукой смерти. Чувство національнаго, патристическаго горя не можетъ не всколыхнуться при этой вѣсти въ душѣ каждаго образованнаго русскаго человѣка. Ибо почившій историкъ представлялъ собой высокой образецъ изумительной даровитости русской натуры. Мыслитель, ученый и художникъ слились въ его лицѣ въ одно гармоническое цѣлое. И въ своихъ лекціяхъ, и въ печатныхъ трудахъ онъ подарилъ намъ дивные образцы первокласснаго научно-художественнаго воспроизведенія родной исторіи. Значеніе работъ Василя Осиповича выходитъ далеко за предѣлы той спеціальной дисциплины, которую онъ непосредственно разрабатывалъ. Совокупность этихъ работъ составляетъ знаменательную главу въ исторіи русской культуры вообще, ибо эти работы писалъ не только глубокой спеціалистъ-ученый, но кромѣ того и своеобразный мыслитель, обобщавшій результаты своихъ спеціальныхъ изысканій въ широкія концепціи, а волшебная сила его изобразительнаго слова придавала этимъ концепціямъ такую наглядную, прозрачно-ясную, нарядно-изящную форму.

Велика теперь печаль тѣхъ, кто привыкъ чтить знаменитаго историка по его печатнымъ трудамъ. Но утѣшеніемъ для нихъ послужатъ самые эти труды и возможность вновь и вновь ихъ перечитывать. Но чѣмъ утѣшимся мы, непосредственные ученики Василя Осиповича, мы, наслаждавшіеся не только его книгами, но и его рѣчью, переливами его незабываемаго голоса, живой игрой его лица, великой художественностью его лекцій, несравненной плѣнительностью его бесѣды?

Чѣмъ утѣшатся тѣ, кому выпало на долю въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ почившимъ почувствовать всю обязательность его души, его сердца?

Велико было счастье приобщиться къ нему не только какъ къ автору, но и какъ къ человѣку, и за пользование этимъ счастьемъ мы заплатимъ теперь такой печалью, въ которой нѣтъ утѣшенія.

Великія научныя заслуги Василя Осиповича будутъ отмѣчаться всѣми, пока будетъ существовать русская наука. И не теперь, когда сердце сжимается отъ внезапной горькой вѣсти, подводить имъ итоги. Будущіе историки нашего времени не разъ прославятъ Ключевского-ученаго. Мы же сегодня прежде всего опла-

киваемъ въ немъ нашего учителя, влестителя нашихъ думъ, гордость нашей родины.

А. Кизеветтеръ.

Болѣзнь и смерть В. О. Ключевского.

Скончавшійся вчера, 12-го мая, почетный членъ и заслуженный профессоръ московскаго университета, академикъ Василя Осиповичъ Ключевскій находился послѣдніе шесть мѣсяцевъ на излѣченіи въ хирургической лечебницѣ д-ра В. А. Стороженко, на Вол. Якиманкѣ. Страдая каменной болѣзью, онъ 13-го ноября помѣстился въ лѣчебницу, и здѣсь черезъ нѣсколько дней ему была сдѣлана операція по извлеченію камня изъ мочевого пузыря. Операцію производилъ профессоръ И. К. Спизарный. Камень былъ извлеченъ, и положеніе больнаго улучшилось, но состояніе его здоровья и преклонный возрастъ все-таки не позволили ему находиться безъ постоянного врачебнаго ухода. Затѣмъ у Василя Осиповича появились осложненія въ почкахъ и другихъ органахъ. Былъ созванъ консилиумъ профессоровъ и врачей и рѣшено было произвести больному новую операцію. Операцію дѣлалъ проф. А. В. Мартыновъ. Она была произведена съ мѣсяцъ тому назадъ. В. О.—чѣ перенесъ ее благополучно, но затѣмъ недѣли черезъ двѣ у него появилась сильная слабость, которая начала прогрессивно увеличиваться. Несмотря на это, В. О. сохранилъ до послѣдняго момента полное сознаніе, но вчера, съ четырехъ часовъ утра, уже не могъ говорить. Онъ скончался въ 3 часа 5 мин. дня. При послѣднихъ минутахъ его жизни находился его сынъ Борисъ Васильевичъ и д-ръ В. А. Стороженко. Во все время болѣзни В. О.—чѣ находился подъ наблюденіемъ д-ровъ П. С. Усова и В. А. Стороженко; неоднократно его навѣщали профессоры И. К. Спизарный и А. В. Мартыновъ. При немъ постоянно находился

его племянникъ докторъ Л. С. Бородинъ. До самаго послѣдняго времени маститый ученый не переставалъ работать: онъ писалъ статью, которая осталась неоконченной. В. О.—чѣ умеръ 70 лѣтъ отъ роду.

Вчера, въ 6 час. вечера, тѣло покойнаго профессора было положено въ гробъ и перевезено изъ лѣчебницы въ его домъ, на Житной ул. Сегодня у останковъ В. О.—ча будутъ совершены панихиды въ 12 час. дня и въ 7 час. вечера. Отпѣваніе имѣетъ быть въ воскресенье, 15-го мая, въ университетской церкви, а погребеніе на кладбищѣ Донскаго монастыря.

Краткія біографическія свѣдѣнія о В. О. Ключевскомъ.

Василій Осиповичъ Ключевскій, сынъ священника, Московской губерніи, по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ преподавалъ исторію въ Александровскомъ военномъ училищѣ, а въ 1871 г. былъ опредѣленъ приватъ-доцентомъ московской духовной академіи. 26-го января 1872 г. имъ была защищена диссертация для полученія степени магистра исторіи на тему: «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческія источники». Вскорѣ послѣ того онъ былъ избранъ совѣтомъ московской духовной академіи въ доценты «русской гражданской исторіи». Въ 1879 г. согласно избранію совѣта московскаго университета В. О. былъ утвержденъ доцентомъ по кафедрѣ русской исторіи съ оставленіемъ на службѣ при духовной академіи. Въ концѣ того же года совѣтъ духовной академіи избралъ его въ экстраординарные профессора по кафедрѣ русской исторіи. По защитѣ въ университетѣ диссертации «Боярская Дума» В. О. былъ удостоенъ степени доктора русской исторіи и былъ избранъ затѣмъ экстраординарнымъ профессоромъ университета, а въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ ординарные профессора московской духовной академіи. Черезъ два года онъ получилъ ординатуру и въ московскомъ университетѣ. Въ 1887—1889 гг. исполнялъ должность декана историко-филологическаго факультета, а въ 1889 г. былъ назначенъ помощникомъ ректора, въ какой должности состоялъ около 1½ года. Съ 1-го ноября 1893 г. по 1-е апрѣля 1894 г. преподавалъ исторію Великому Князю Георгію Александровичу въ Абастуманѣ. Съ 1900 г. В. О. состоялъ ординарнымъ академикомъ Императорской академіи наукъ по исторіи и древностямъ російскимъ, продолжая читать лекціи въ университетѣ и духовной академіи въ званіи заслуженнаго профессора. В. О. въ 1906—1907 учебномъ году окончилъ свою службу въ духовной академіи, но въ университетѣ не прекращалъ своихъ курсовъ до 1910 г., когда болѣзнь заставила его временно отложить чтеніе своихъ лекцій. Нѣсколько недѣль тому назадъ совѣтъ московскаго университета избралъ единогласно В. О.—ча почетнымъ членомъ университета. Одно время В. О. состоялъ председателемъ московскаго Общества исторіи и древностей російскихъ и уже давно былъ избранъ почетнымъ академикомъ Императорской академіи наукъ по разряду изящной словесности.

Московская жизнь.

✠ Василий Осиповичъ Ключевскій.

Московский университетъ, русская историческая наука и русское общество понесли тяжелую, невознаградимую утрату: вчера, въ 3 часа 5 мин. дня, скончался Василий Осиповичъ Ключевскій.

Воспитанникъ московскаго университета, ближайшій ученикъ и преемникъ по кафедрѣ незабвеннаго Сергѣя Михайловича Соловьева, Василий Осиповичъ болѣе сорока лѣтъ съ честью и великою славой подвизался на ученомъ и преподавательскомъ поприщѣ. Онъ обогатилъ русскую историческую литературу цѣлымъ рядомъ классическихъ изслѣдованій, этюдовъ и очерковъ по русской исторіи, въ которыхъ даръ глубокаго аналитика и остраго критика сочетался съ даромъ великаго художника слова.

На его лекціяхъ по русской исторіи воспитался цѣлый рядъ поколѣній образованнаго русскаго общества. Изъ всѣхъ современныхъ русскихъ историковъ никто не оказалъ такого рѣшительнаго вліянія на развитіе науки русской исторіи и на выработку общаго историческаго міросозерцанія, какъ Василий Осиповичъ. Онъ создалъ вокругъ себя цѣлую школу русскихъ историковъ, которые ревностно разрабатывали очередныя темы, подсказанныя курсомъ русской исторіи Ключевскаго, и дали рядъ капитальныхъ изслѣдованій по внутренней исторіи Россіи. Василий Осиповичъ былъ тѣмъ духовнымъ родникомъ, откуда вытекало могучая струя научной мысли, все вокругъ себя оживлявшая и омолодворявшая. Со времени изданія курса его лекцій духовное вліяніе Василя Осиповича распространилось далеко за предѣлами высшей школы и охватило широкіе круги русскаго общества.

Ключевскій сталъ учителемъ не только высшей школы, но и всѣхъ читающихъ людей въ Россіи.

И оплакивать его будутъ не одни ученые, не одни студенты, но все образованное русское общество...

Уже много лѣтъ В. О. страдалъ каменной болѣзью и стоически переносилъ мученія.

Два года тому назадъ скончалась супруга покойнаго. Она находилась въ храмѣ Христа Спасителя за богослуженіемъ, почувствовала себя дурно, поспѣшила выйти, но на наперти упала безъ чувствъ. Посторонняя женщина подняла ее, усладила на извозчика и отвезла на Житную улицу, гдѣ находится родовое владѣніе Ключевскихъ. Черезъ два дня супруги В. О. Ключевскаго не стало; эта смерть потрясла знаменитаго историка; горе отразилось на его и безъ того надломленномъ организмѣ.

В. О. Ключевскій сталъ все болѣе прихварывать. Полгода тому назадъ ему потребовалась серьезная операція.

Только она одна могла предотвратить мученія и продлить жизнь В. О.

У постели больного собрались: профессоры хирурги Мартыновъ и Спичарный, терапевты проф. Усовъ, проф. Фохтъ и др.

Вначалѣ опасались за операцію, но великолѣпное сердце позволило ее совершить.

В. О. положили въ лечебницу Стороженко; операцію дѣлали профессоры Мартыновъ и Спичарный.

В. О. благополучно перенесъ операцію, но оправиться уже не могъ и принужденъ былъ оставаться въ лечебницѣ до дня смерти.

Операція облегчила на нѣкоторое время его мучительное состояніе. Онъ сталъ заниматься, посвящая работѣ весь день. Интересовался университетомъ, читалъ газеты, велъ разговоры о политикѣ.

Въ прочитанныхъ газетахъ дѣлалъ пометки, и каждую недѣлю матеріалъ сгруппировывалъ. Газеты и книги никто не смѣлъ трогать. Казалось, въ работѣ В. О. забывалъ тревожное положеніе своего здоровья.

Впрочемъ, В. О. довидимому, не сознавалъ серьезности своего положенія. Къ самой медицинѣ онъ относился какъ-то скептически и надѣялся на свой организмъ.

Однако, мучительныя страданія возобновились и около мѣсяца тому назадъ у постели В. О. снова собрался консилиумъ.

Признана была необходимою вторая операція, которую совершилъ также проф. Мартыновъ.

Послѣ вторичной операціи В. О. какъ будто снова почувствовалъ себя лучше, но замѣтно сталъ таять.

Усилія врачей заставить больного больше питаться не приводили ни къ какому результату. У В. О. совершенно отсутствовалъ аппетитъ.

— Пересильте себя, В. О., скушайте что-нибудь. Видѣ необходимо же питаться. Это также важно,—приставали къ нему врачи.

— Понимаю, понимаю. Погодите,—поѣмъ только не сейчасъ.

И ничего не ѣлъ, и продолжалъ таять, какъ воскъ на огнѣ.

Ясность ума, свѣжесть памяти В. О. сохранили почти до послѣдняго часа жизни.

Только отъ слабости въ послѣдніе дни онъ сталъ говорить очень тихо и неразборчиво.

Вчера съ утра у В. О. неожиданно обнаружился отекъ легкихъ. Возбуждающія средства, вырскиванія подъ кожу камфоры и т. д.—не помогли.

Послѣднія минуты жизни В. О. поддерживались при помощи кислорода.

Въ 3 часа 5 мин., въ присутствіи сына прие. повѣреннаго Б. В. и племянника д-ра А. С. Бородинна, все время ухаживавшаго за В. О., больной скончался.

Въ 4 часа тѣло В. О. перевезли въ домъ покойнаго, а вскорѣ въ квартиру Ключевскихъ прибылъ ректоръ университета М. К. Любавскій, выразившій сочувствіе родственникамъ усопшаго.

У дома Ключевскихъ уже толпились газетные фотографы, художники.

Ворота были на запорѣ. Въ домъ впускались только личные знакомые усопшаго.

У тѣла покойнаго первая панихида, въ домѣ усопшаго, состоялась вечеромъ, въ половинѣ девятого часа.

При заупокойномъ богослуженіи присутствовали: ректоръ университета М. К. Любавскій, профессоры Громогласовъ и Коноваловъ, личный другъ усопшаго Е. В. Барсовъ, долгое время состоявшій секретаремъ общества исторіи и древностей российскихъ, затѣмъ А. Т. Карпова, вдова известнаго русскаго историка, также бывшаго большимъ другомъ В. О. Ключевскаго, и ближайшіе родственники.

Лицо В. О. измѣнилось: болѣзнь наложила отпечатокъ, и характеръ выраженія лица уже не тотъ.

Погребеніе состоится на кладбищѣ Донскаго монастыря, гдѣ похоронена и супруга славаго русскаго историка.

Бромъ упомянутыхъ диссертаций В. О. написалъ много отдѣльныхъ изслѣдованій. Его кандидатская работа «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ» и до сихъ поръ является лучшимъ пособіемъ для ознакомленія съ иноземными источниками о до петровской Руси. Новое освѣщеніе получилъ вопросъ о закрѣпощеніи крестьянъ въ статьяхъ В. О. «Происхожденіе крѣпостнаго права». Впервые были вскрыты составъ московскихъ земскихъ соборовъ и выяснена разница ихъ до смуты и послѣ смутнаго времени въ статьѣ: «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси». Замѣчательны по изяществу и образности

языка, а также по смѣнѣ историческаго фона съ литературными приемами критики популярныя статьи В. О., какъ, напримѣръ, «Евгеній Онѣгинъ и его предки», «О Новиковѣ» и др. Последнее время В. О. трудился надъ окончаніемъ своего курса. Наука русской исторіи много потеряетъ, если курсъ В. О. не будетъ умѣло и рьяно доведенъ до конца.

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ.

Болѣзнь и кончина.

В. О. Ключевскій скончался отъ каменной болѣзни. Покойный болѣлъ уже нѣсколько лѣтъ. Но, какъ человекъ, вообще, отъ природы крѣпкаго здоровья, съ хорошо работавшимъ сердцемъ, онъ раньше не имѣлъ необходимости въ медицинской помощи, къ врачамъ не обращался и даже нѣсколько скептически относился къ медицинѣ.

Страданія стали появляться у больного года два тому назадъ. Внезапная кончина горячо любимой жены А. М. Ключевской удручающе подѣйствовала на В. О. Ключевского. А. М. скончалась 1-го марта 1909 года. Во время пасхальной заутрени съ ней въ церкви сдѣлалось дурно. Ее привезли домой уже мертвой, и В. О. просилъ потомъ черезъ газеты свидѣтелей-очевидцевъ смерти его жены сообщить ему подробности кончины.

Эта тяжелая потеря въ связи съ развитіемъ болѣзни В. О. Ключевского свела его въ могилу.

Болѣзнь его стала принимать тяжелую форму въ серединѣ прошлаго года. Больной тяжело страдалъ. Его перевезли въ хирургическую лѣчебницу доктора В. А. Стороженко, гдѣ онъ пролежалъ ровно полгода. Консультанціи профессоровъ И. К. Спизарнаго, А. В. Мартынова, П. С. Усова и А. Б. Фохта и докторовъ В. А. Стороженко и Л. С. Бородинъ пришла къ заключенію, что В. О. необходима операція, — безъ нея онъ жить дольше не будетъ.

В. О. согласился. Операція была произведена профессорами И. К. Спизарнымъ, А. В. Мартыновымъ, при ассистентахъ въ лицѣ тѣхъ же профессоровъ П. С. Усова и А. Б. Фохта и докторовъ В. А. Стороженко и Л. С. Бородинъ. 15-го ноября изъ мочевого пузыря былъ извлеченъ камень. Послѣ операціи больной сталъ себя чувствовать гораздо лучше, но черезъ нѣкоторое время стали появляться осложненія то со стороны почекъ, то мочевого пузыря, то со стороны легкихъ.

В. О. все время находился подъ наблюдениемъ тѣхъ же профессоровъ и врачей. Бывали часто консультаціи. Докторъ Бородинъ, племянникъ В. О. Ключевского, во все время нахождения покойнаго въ лѣчебницѣ жилъ при немъ, тутъ же, отлучаясь только днемъ по неотложнымъ дѣламъ.

Осложненія болѣзни привели къ необходимости произвести вторую операцію, которая и была сдѣлана полтора мѣсяца тому назадъ.

И снова больной почувствовалъ облегченіе послѣ тяжелыхъ страданій, которыя ему причиняла болѣзнь. Но затѣмъ опять появились осложненія, — у больного сдѣлался нарывъ въ предстательной железѣ, появились высокая температура и прогрессирующая слабость. Страданія больного были ужасны. Онъ почти пересталъ принимать пищу и лѣкарства. Напоминаніе о необходимости подержать себя ѣдой вызвало даже недовольство больного. Двѣ недѣли онъ угасалъ. Послѣдніе двое сутокъ угасаніе пошло быстро.

Третьяго дня съ утра еще появились угрожающіе признаки, вчера утромъ сдѣлался уже сильный отекъ легкихъ.

Несмотря на тяжелыя страданія, больной не отдавалъ себѣ отчета въ безнадежномъ положеніи. Вообще сознаніе не оставляло его почти до послѣднихъ минутъ жизни, но оно лишь ослабѣвало по мѣрѣ общаго ослабленія больного. Въ послѣдніе дни больной уже съ трудомъ говорилъ, и трудно было ужъ его понимать.

Вчера, въ 3 часа 5 мин. дня, В. О. Ключевскій, въ присутствіи своего сына Б. В. и доктора Стороженко, скончался.

Еще даже послѣ второй операціи В. О. продолжалъ читать и работать. Онъ писалъ какую-то статью, имѣющую отношеніе къ царствованію Императора Александра II и, въ частности, къ 19 му февраля. Работа осталась незаконченной.

Послѣдніе дни В. О. бесѣдовалъ часто со своимъ сыномъ.

Во все время нахождения В. О. Ключевского въ лѣчебницѣ, во избѣжаніе причиненія ему безпокойства, къ нему никого, кромѣ родственниковъ, не допускали.

Въ лѣчебницѣ омыли тѣло, одѣли въ мундиръ, и около 6-ти часовъ вечера тѣло было перевезено на квартиру покойнаго, въ его домъ, на Житной улицѣ.

Первая панихида.

Въ 8½ час. вечера у смертнаго одра была совершена первая панихида. Здѣсь, кромѣ сына покойнаго, Б. В. Ключевского, доктора Л. С. Бородинъ и другихъ родственниковъ, присутствовали ректоръ университета М. К. Любавскій, другъ покойнаго, бывшій секретарь общества исторіи и древностей российскихъ Е. В. Барсовъ, профессоръ И. М. Громогласовъ и Д. Г. Коноваловъ и А. Т. Карпова — вдова друга покойнаго, профессора-историка Карпова.

В. О. Ключевскій (+).

Василій Осиповичъ происходитъ изъ духовнаго званія. Онъ—сынъ священника. Среднее образованіе В. О. получилъ въ духовной семинаріи, въ которой учился только до философскаго класса, а затѣмъ перешелъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета, который и окончилъ въ 1865 году.

Черезъ шесть лѣтъ, въ 1871 году, В. О. былъ избранъ приватъ-доцентомъ московской духовной академіи и началъ читать здѣсь лекціи по русской гражданской исторіи.

Въ 1872 году за свою диссертацию «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ» онъ получилъ въ московскомъ университетѣ степень магистра русской исторіи. Въ 1879 году В. О. былъ избранъ доцентомъ по кафедрѣ русской гражданской исторіи въ московскій университетъ, а въ академіи получилъ званіе экстраординарнаго профессора.

Въ 1882 году, послѣ защиты своей диссертации подъ заглавіемъ «Боярская дума древней Руси», онъ признанъ докторомъ русской исторіи. Въ томъ же году В. О. былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ академіи и университета.

Кромѣ академіи и университета, В. О. читалъ еще лекціи въ Александровскомъ военномъ училищѣ (съ 1867 по 1873 гг.) и на высшихъ женскихъ курсахъ В. И. Герье (съ 1872 по 1888 гг.). По закрытіи курсовъ, онъ участвовалъ въ организаціи публичныхъ лекцій, предпринимаемыхъ московскими профессорами.

Осенью въ 1893 году на В. О. была возложена по Высочайшему повелѣнію обязанность преподавать политическую исторію Великому Князю Георгію Александровичу. В. О. ѣздилъ съ этою цѣлью въ Аббасъ-Туманъ, гдѣ занимался съ Его

Высочествомъ съ ноября 1893 по 1-е апрѣля 1894 года и съ декабря 1894 по мартъ 1895 года.

Въ 1901 году В. О. былъ избранъ почетнымъ членомъ академіи наукъ. Кромѣ того, онъ состоялъ председателемъ Императорскаго общества исторіи и древностей русскіихъ.

На трудахъ В. О., въ его лекціяхъ воспиталось уже нѣсколько поколѣній русскихъ историковъ, являющихся въ большей или меньшей степени его учениками.

Но особенно широкую популярность приобрѣлъ В. О. своими лекціями, отличающимися мастерскимъ изложеніемъ и художественной литературной передачей.

Надо было видѣть В. О., надо было слышать его живое слово, чтобы понять причину обаянія его на слушателей. И кто разъ слышалъ В. О. съ кафедръ, тотъ долго сохранялъ вынесенное впечатлѣніе.

Труды В. О. Ключевскаго.

«Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ» (1872 г.), «Боярская дума древней Руси» (1879 г.), «Сказанія иностранцевъ о московскомъ государствѣ» (1886 г.), «Русскій рубль въ XVI и XVII столѣтія въ его отношеніи къ вышнему» (1884 г.), «Новооткрытый памятникъ по исторіи раскола», «Происхожденіе крѣпостнаго права» (1885 г.), «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи» (1886 г.), «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси» (1890—1892 гг.), «Добрые люди старой Руси», «Два воспитанія» (1893 г.), «Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени» (1894 г.), «Евгеній Онѣгинъ и его предки» (1899 г.), «Памяти Императора Александра III» и мн. др. Одна изъ послѣднихъ статей В. О. была о Грановскомъ.

Памяти Василія Осиповича Ключевскаго.

Черное знамя смерти рѣзъ надъ московскимъ университетомъ. Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу тѣ, кто являли собой гордость и славу старѣйшаго расадника русскаго просвѣщенія. Еще сравнительно недавно, хмурой осенью мы хоронили Муромцева, — теперь снова у свѣжей могилы, могилы Ключевскаго. И новая утрата, — утрата не одного университета, не одной Москвы, но всей грамотной и мыслящей Россіи. Имя Ключевскаго врядъ ли съ кѣмъ можетъ быть сравнено по широкой и глубокой популярности; смѣло можно сказать, что нѣтъ ни одного уголка въ Россіи, гдѣ бы не знали и не читали высоко замѣчательнаго русскаго историка.

Не здѣсь, не въ этихъ краткихъ строкахъ, написанныхъ подъ первымъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, можно дать характеристику научнаго и культурнаго значенія почившаго ученаго; хочется только въ самыхъ общихъ чертахъ представить обликъ незабвеннаго учителя. Глубокій ученый и тонкій аналитикъ, своимъ критическимъ скальпелемъ проникающій въ нѣдра первоисточника, Ключевскій являлся въ то же время блестящимъ и яркимъ синтетикомъ, увѣренно возводящимъ свои грандіозныя и образныя построенія. Испытываешь глубочайшее наслажденіе, читая и перечитывая его труды въ такой изящной и доступной формѣ, но въ то же время всегда чувствуешь, что за великолѣпной вишней отбѣлкой таится глубокая внутренняя работа, непосредственное и пристальное обслѣдованіе матеріала. На осадномъ и проч-

номъ фундаментѣ возводитъ Ключевскій свои блестящія, изобилующія архитектурными тонкостями и замысловатыми узорами научныя зданія. Уже въ специальныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ проявляются эти черты творчества Ключевскаго. И магистерская диссертация о житіяхъ святыхъ, и особенно докторская диссертация—классическій, выдержавшій нѣсколько изданій трудъ о боярской думѣ, — поражаютъ глубиной изслѣдовательскаго анализа и широтой эрудиціи, давая въ то же время прекрасное и ясное изложеніе. Тѣмъ же характеромъ отличаются и извѣстныя статьи Ключевскаго о земскихъ соборахъ и о происхожденіи крѣпостнаго права; здѣсь опять оригинальная постановка и рѣшеніе вопросовъ первостепенной важности, глубокая, специальная штудія представлены были въ яркой, конкретной формѣ. Особенно проявлялся художественный талантъ Ключевскаго въ его рѣчахъ и статьяхъ историко-литературнаго характера; недаромъ его, академика по разряду наукъ историко-филологическихъ, академія наукъ почтила также избраніемъ въ почетные академики по разряду изящной словесности. Какъ живо и красочно представленъ обиходъ екатерининской Россіи съ ея поверхностнымъ европеизмомъ и крупными недочетами у себя, на сдому, въ статьяхъ о «Недорослѣ» Фонвизина и о «Капитанской дочкѣ» Пушкина. Блестяще и тонко намѣчены историко-психологическія основы появленія героевъ типа Евгенія Онѣгина, установленъ ихъ гене-

зисъ и разсмотрѣна родословная въ замѣчательной статьѣ: «Евгеній Опѣгнъ и его предки». Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не напечатана рѣчь Ключевского на пушкинскихъ празднествахъ 1899 года на тему «Пушкинъ и «Мѣднѣй всадникъ»; никогда не забыть того впечатлѣнія, какое произвела эта проникновенная и вдумчивая рѣчь. Наибысшаго развитія все отличительныя стороны ученаго и литературнаго таланта Ключевского достигаютъ въ его, ставшемъ уже классическимъ, курсѣ русской исторіи. Уже давно, сначала въ цѣлыхъ и неточныхъ литографированныхъ спискахъ, часто и безъ редакціи, и безъ вѣдома автора, эти лекціи широко распространялись по всей Россіи и, несмотря на технические недочеты изданій, дѣлали свое великое дѣло, уча и воспитывая. Лишь въ послѣдніе годы самъ авторъ, непомѣрно требовательный и щепетильный къ себѣ и своимъ трудамъ, рѣшилъ выйти изъ узкой сферы своей университетской аудиторіи и далъ читающей Россіи свой печатный курсъ. Вышло пять обширныхъ томовъ, подводящихъ событія ко времени Екатерины II; шестой томъ, томъ екатерининскаго времени, готовился къ печати.

Въ этомъ замѣчательномъ курсѣ все цѣнно—и главы, трагующія о сложныхъ и спорныхъ проблемахъ социальной и экономической исторіи, и отдѣлы, посвященные общимъ характеристикамъ эпохъ и историческихъ дѣятелей и вопросамъ духовно-культурнаго развитія общества. Говоритъ ли Ключевскій о началѣ русскаго государства или о заселеніи Суздальщины, мастерски воспроизводя бытъ русскихъ по пословицамъ, повѣствуетъ ли о грозныхъ временахъ опричнины, разбирается ли въ бурныхъ событіяхъ смутнаго времени или слѣдитъ за неутомимой и неукротимой реформаціонной работой Петра Великаго,—всюду и вездѣ одинаково силенъ великій историкъ, своему знанію и таланту подчинившій и отдаленныя времена, и истекшія событія. А знаменитая портретная галлерей дѣятелей русской

исторіи, то тамъ, то здѣсь воспроизведенная на протяженіи курса. Вотъ съверный князь-затѣшникъ Андрей Боголюбскій, вотъ привлекательный образъ «тишайшаго» царя, вотъ его дипломатъ-западникъ Ордынъ-Нащокинъ, вотъ рѣшительный вольнодумецъ князь Хворостининъ, который «въ вѣрѣ пошатался и православную вѣру хулилъ», вотъ «тучная и некрасивая полудѣвица» — царица Софья, вотъ грандіозный царь-преобразователь, царь-работникъ, вотъ императрица Елизавета — незабываемый образъ, начертанный антитезами. И много, много такихъ счастливыхъ и навсегда запоминающихся характеристикъ можно найти на протяженіи курса.

Но если велико наслажденіе читать этотъ курсъ, то ни съ чѣмъ не сравнимо наслажденіе имѣннымъ счастьемъ слушать его изъ устъ самого лектора. Такъ и вспоминается большая словесная аудиторія новаго, еще не перестроеннаго зданія. Ждутъ Ключевского; тогда студентамъ различныхъ курсовъ и факультетовъ атаккой беретъ аудиторію, тщетно пытаются ставить преграды субъ-инспекторъ и педагогъ, которымъ данъ строгій приказъ пропускать только филологовъ. Еще одинъ натискъ,—аудиторія полна; вдали показался профессоръ, все замерло. Слегка блеснувъ сквозь очки на аудиторію, согнувшись надъ кафедрой, но все время стоя, начинается чтеніе Ключевскій, и съ первыхъ же словъ аудиторія сливается съ лекторомъ, вся въ его власти, вся живетъ его словами. И встаетъ, какъ живая, сѣдая старина, облекаются въ плоть и кровь тѣни былого; уходитъ современность, мы все въ прошломъ... И проходятъ, смѣняясь и причудливо сплетаясь, картины горя и радости, величія и паденія; и можетъ насъ заставить лекторъ и содрогаться, и тосковать, и смѣяться, перенося изъ эпохи въ эпоху.

Звонить звонокъ, лекція кончена, но лекція не забыта,—нѣтъ, не забыта никогда...

И вотъ всему конецъ,—Ключевского не стало.

И. БОРОЗДИНЪ.

В. О. Ключевскій въ духовной академіи.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Въ лицѣ В. О. Ключевского сошлись въ могилу знаменитый ученый историкъ, великій художникъ слова и большая общественная личность.

Жизнь и дѣятельность Василя Осиповича были полны крупными событіями. Описать ихъ—значитъ въ известной мѣрѣ представить исторію общественной жизни въ теченіе всей второй половины XIX вѣка и начала XX вѣка.

И это не преувеличеніе. В. О. по своимъ служебнымъ обязанностямъ принужденъ былъ вращаться въ различныхъ общественныхъ слояхъ, соприкасаться съ лицами самыхъ различныхъ положеній.

Онъ былъ первокласснымъ ученымъ, и въ мѣрѣ ученомъ игралъ выдающуюся роль. Онъ состоялъ профессоромъ духовной академіи и тонко зналъ духовную среду со всеѣмъ, что въ ней творится. Онъ читалъ лекціи въ Александровскомъ военномъ училищѣ и хорошо зналъ военный бытъ. Онъ нѣкогда былъ воспитателемъ Наслѣдника и имѣлъ возможность наблюдать жизнь нашихъ правящихъ классовъ.

Онъ былъ вездѣ—и въ мѣрѣ ученомъ, и въ мѣрѣ духовномъ, и въ мѣрѣ военномъ, и въ мѣрѣ придворномъ. И зналъ онъ все въ этихъ областяхъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма многое, иногда только прикидываясь незнайкой.

Василій Осиповичъ Ключевскій—личность въ полномъ смыслѣ историческая. И всестороннее сужденіе о немъ—дѣло будущаго.

Теперь же, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ громадной утраты, можно набрасывать только отдѣльные штрихи для будущаго полнаго изображенія знаменитаго историка-художника.

Пишущему эти строки выпало счастье быть въ числѣ его сослуживцевъ по московской духовной академіи.

Московская духовная академія, къ сожалѣнію, въ послѣднюю пору жизни В. О. въ отношеніи къ нему сыграла некрасивую роль.

Тяжело вспоминать теперь объ этомъ. Но, несомнѣнно, что некорректное отношеніе академіи къ В. О. омрачило послѣдніе дни его жизни.

По крайней мѣрѣ, въ самое послѣднее время при одномъ имени академіи В. О. чувствовалъ себя непріятно. И близкіе къ нему люди знали это и старались не вспоминать при немъ его академической службы.

А, вѣдь, раньше было не такъ. Раньше академія прямо «стѣла» В. О. Въ академіи въ шутку его называли «Иверской». Смыслъ этого названія заключался въ томъ, что стоитъ только прибѣ-

нуть къ авторитету В. О., и все устроится такъ, какъ нужно. В. О. выдвигали обычно въ такіе моменты академической жизни, когда, повидимому, ничего уже не оставалось дѣлать. И его авторитетъ всегда приводилъ къ желаннымъ результатамъ.

Въ свою очередь и В. О. сильно любилъ академію, или «Троицу», какъ онъ обычно выражался.

«Троица» для него была дорога уже по одному тому, что здѣсь собственно началась его ученая и профессорская дѣятельность.

И съ какой трогательностью онъ вспоминалъ тѣ отдаленныя времена жизни академіи и, вообще, эпоху 60-хъ годовъ, когда онъ, полный силъ, выступилъ на ученое поприще и сразу же завоевалъ себѣ славу неслыханнаго еще лектора.

Времена въ ту пору для академіи были суровыя. Филаретъ сильно давилъ академическую жизнь. Профессора трепетали предъ грознымъ владыкой. Нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось пить горькую чашу страданій отъ чрезмѣрнаго вниманія къ нимъ митрополита. Публично плакали отъ замѣчаній Филарета.

Молодой доцентъ—В. О. сумѣлъ избѣ-

жать гнѣва владыки. Но весь режимъ Филарета произвелъ на него, вѣроятно, неизгладимое впечатлѣніе на всю жизнь. И при всемъ томъ В. О. охотно вспоминалъ о Филаретѣ, особенно упоминалъ о с и н и хъ г л а з а хъ митрополита, которымъ, по его выраженію, могла позавидовать самая красивая женщина, рассказывавъ о вѣншикахъ гнѣва суроваго митрополита. Во взглядѣ на Филарета, онъ кажется, расходился со своимъ знаменитымъ учителемъ С. М. Соловьевымъ.

Съ неменьшею трогательностью и благодарностью онъ вспоминалъ всегда и знаменитаго прот. А. В. Горскаго. Этому «папашѣ» В. О. было многимъ обязанъ въ своихъ научныхъ трудахъ. Горскій, эта хлѣбная энциклопедія церковно-историческихъ, археологическихъ и палеографическихъ знаній,—щедро раздавалъ свои знанія тому, кто искалъ серьезной работы.

Предаваться воспоминаніямъ было приятнымъ и любимымъ занятіемъ В. О. Можетъ-быть, это онъ дѣлалъ для того, чтобы не касаться вопросовъ «современныхъ», не входить въ споры съ лицами другихъ взглядовъ. Этихъ споровъ В. О. особенно не любилъ.

И если же иногда былъ вынужденъ къ этому, то дѣлалъ это весьма своеобразно. Онъ приводилъ лишь историческіе примѣры. Спорить съ нимъ—значило слушать лекціи по исторіи.

В. О. пріѣзжалъ обычно въ «Троицу» по понедѣльникамъ и вторникамъ. Такъ ужъ было приспособлено расписаніе лекцій.

И пріѣздъ В. О. былъ настоящимъ праздникомъ для студентовъ и событіемъ для его сослуживцевъ.

На его лекціи сходилась почти вся академія. Профессорамъ, читавшимъ лекціи одновременно съ нимъ, приходилось очень плохо: большинство ихъ слушателей оказывалось у В. О.

Нѣкоторые студенты въ теченіе всего четырехлѣтняго академическаго курса неопустительно посѣщали лекціи В. О. Его особенно удачныя выраженія и удивительныя фразы, какія могъ произносить только В. О., запоминались и становились для нѣкоторыхъ девизомъ жизни.

Я знаю одного студента-академика, который былъ прямо пораженъ одной фразой В. О. и, раздумывая надъ ней, совершенно переродился.

Эта фраза—заключительныя слова его знаменитой публичной лекціи о «Добрыхъ людяхъ древней Руси»:

— «Жить—значитъ любить, больше ничего не значить жить и больше не для чего жить».

Кажется, этотъ студентъ пошелъ въ жизни по стопамъ этихъ милостивцевъ, такъ картинно и такъ выразительно изображенныхъ В. О.

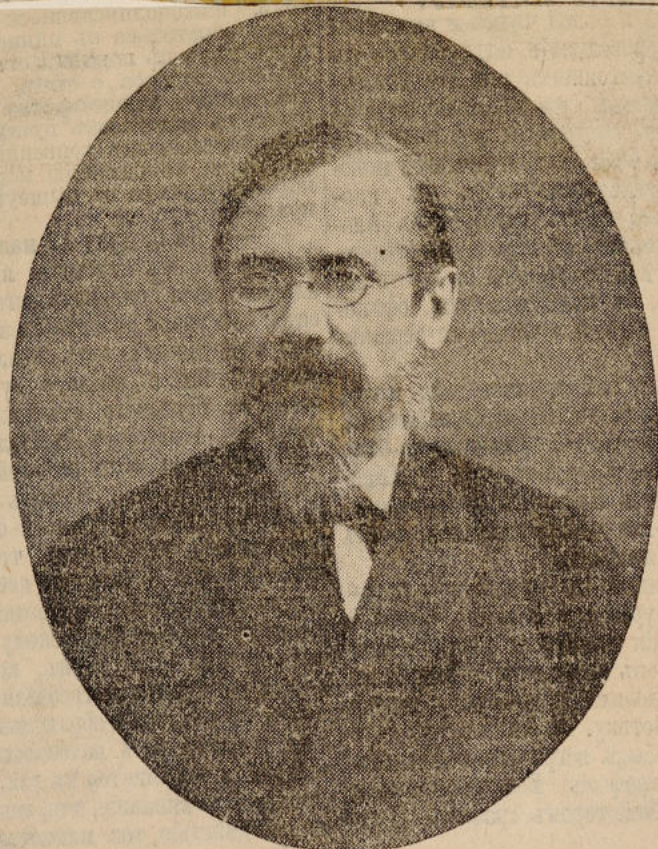
О своемъ вліяніи на студентовъ В. О. зналъ и цѣнилъ. Онъ поэтому читалъ въ академіи лекціи полнѣе, чѣмъ въ университетѣ и притомъ гораздо свободнѣй. Вообще, въ академіи В. О. чувствовалъ себя «вольнѣй», какъ онъ не разъ выражался.

В. О. имѣлъ хорошую компанію, въ благородномъ смыслѣ этого слова. Его дружескія бесѣды иногда не ограничивались тѣсными стѣнами квартиры, а переносились куда-либо въ другое мѣсто и совершали свое теченіе въ порядкѣ необычномъ. Послѣ одной такой бесѣды, напримѣръ, его видѣли катающимся на каруселяхъ вмѣстѣ съ крестьянскими парнями.

Но все это не бросало никакой тѣни на него. Напротивъ, это окружало его ореоломъ какой-то величавой простоты, свойственной только великимъ людямъ.

Не было этой политики, которая загоняла людей по разнымъ угламъ. Въ лучшую пору жизни Ключевского въ академіи была только наука и жизнь.

Н. В.—СКІЙ.

В. О. КЛЮЧЕВСКІЙ.

Съ фотографіи Д. С. Здобнова.

В. О. КЛЮЧЕВСКІЙ.

Не стало Ключевского!.. Не одни историки—вся читающая Россія знала его имя. Тысячи учащихся прошли черезъ аудиторию этого несравненнаго лектора; сотни тысячъ прочитали «Курсъ русской исторіи» этого поразительнаго писателя, прочитали не только въ печатныхъ изданіяхъ, но и въ плохихъ, иногда даже подпольныхъ литографіяхъ. Тонкій и сильный умъ, ѣдкое остроуміе, необычныя познанія и властный синтезъ отличали талантъ Ключевского. Одинаковымъ наслажденіемъ было какъ слушать его образную, порою истинно художественную рѣчь, всегда продуманную и осторожную, такъ и читать его труды, столь же продуманные, столь же художественные, столь же осторожные и осмотрительные. Сквозь вычурность затѣйливой фразы и соль забавной насмѣшки смотрѣлъ на читателя вдумчивый и часто скорбный глазъ изслѣдователя, не желавшаго скрыть за шуткою темныя стороны русскаго прошлаго. Да, великимъ мастеромъ слова былъ Ключевскій: никто другой не умѣлъ дать читателю такихъ сложныхъ и гармоничныхъ настроеній, какъ онъ; никто другой не умѣлъ такъ обвѣять вась впечатлѣніями отжитыхъ эпохъ.

Покойный всецѣло принадлежалъ наукѣ. Можно сказать, что у него не было «біографіи»: вся его жизнь прошла въ Москвѣ, за книгами и рукописями, за чтеніемъ лекцій и за кабинетною работою. Его отдыхомъ была, говорятъ, рыбная ловля да бесѣды въ оживленныхъ кружкахъ московской университетской интеллигенціи. Не многіе случаи общественныхъ и политическихъ выступленій Ключевского обнаруживали его малую пригодность къ такого рода дѣятельности, и онъ самъ устранилъ отъ себя возможность стать членомъ Г. Совѣта по выборамъ. Охотно выступая на каѳедрѣ и много работая въ кабинетѣ, онъ былъ въ сущности доступенъ очень немно-

гимъ близкимъ къ нему лицамъ. Трудно поэтому дать его характеристику и изобразить генезисъ его взглядовъ и основы его міросозерцанія. На это легче дерзнуть, чѣмъ въ этомъ успѣть.

Всего менѣе можно видѣть въ немъ удачнаго эклектика, обладавшаго секретомъ чутко выбрать и усвоить все лучшее изъ тѣхъ теорій, на которыхъ онъ учился. При извѣстной склонности къ теоретическимъ построеніямъ и схемамъ, Ключевскій былъ очень стихіенъ и непосредственъ въ своихъ историческихъ симпатіяхъ и вкусахъ. Онъ не только много думалъ, но видимо много выстрадалъ. Оттого въ его смѣхѣ и остротахъ столько сарказма, въ его характеристикѣ столько яда и въ субъективныхъ отзывахъ объ эпохѣ его юности—скорбныя ноты. Разсвѣтъ русской общественности, озарившій юность Ключевского, не сдѣлалъ свѣтлымъ его взгляда ни на русское прошлое, ни на русскую современность. Почему это такъ—объяснить намъ когда-нибудь исторія личной жизни Ключевского; но что это такъ, можно не сомнѣваться. Стихійностью настроеній Ключевского объясняется между прочимъ то его свойство, которое не поддается логическому учету и которое не смѣемъ назвать непоследовательностью, а иначе назвать не умѣемъ. Когда его считали на лѣвомъ крылѣ нашей интеллигенціи, онъ написалъ свою «Грусть по поводу лермонтовскаго юбилея» («Русская Мысль» 1891 г.) и сказалъ свою рѣчь объ Императорѣ Александрѣ III (1894). Когда же его привыкли считать перешедшимъ направо, онъ оказался въ послѣднее пятилѣтіе не тамъ, гдѣ предполагался.

Сложность самобытной и оригинальной природы можетъ быть непонятна, даже досадна; но ее нельзя осуждать. Она сама по себѣ интересна и поучительна. Въ ней объясненіе того чарующаго, иногда загадочнаго вліянія, какое имѣлъ Ключевскій на слушателей и читателей. Интересовала не только его рѣчь, но и самъ онъ; учились не

только его слыша, но и на него глядя. Онъ
весь былъ великимъ учителемъ.

п.

Скончавшійся 12 мая отъ гангрен-
ны В. О. Ключевскій родился въ
1839 году въ семьѣ приходскаго свя-
щенника гор. Пензы. Первоначальное
образование покойный получилъ въ мѣст-
ной духовной семинаріи, изъ кото-
рой поступилъ на историческое отдѣле-
ніе Московскаго университета. По оконча-
ніи университетскаго курса онъ избралъ
для своей дѣятельности педагогическое по-
прище и въ 1871 г. былъ избранъ доцен-
томъ Московской духовной академіи. Въ
1872 г. онъ защитилъ въ Московскомъ
университетѣ свою диссертацию на степень
магистра русской исторіи: «Древне-русскія
житія святыхъ, какъ историческій источ-
никъ». Въ 1879 г. былъ избранъ штат-
нымъ доцентомъ Московскаго универси-
тета по кафедрѣ русской исторіи и явился
преемникомъ по кафедрѣ С. М. Соловьева.
Одновременно онъ былъ назначенъ экстра-
ординарнымъ профессоромъ духовной ака-
деміи. Въ 1882 г. покойный защитилъ
докторскую диссертацию: «Боярская дума
древней Руси». Эта диссертация выдвинула
имя профессора-историка въ ряды перво-
классныхъ ученыхъ. Въ ней онъ подробно
и обстоятельно, съ присущимъ ему крити-
ческимъ анализомъ, изслѣдовалъ основные
вопросы управления и социальный строй
Московскаго государства въ періодъ XV и
XVII вѣковъ и эволюцію нашего древняго
высшаго государственнаго учрежденія.
«Боярская дума» выдержала съ 1882 г.
четыре изданія. Въ 1886 г. появился но-
вый капитальный трудъ ученаго: «Сказа-
нія иностранцевъ о Московскомъ государ-
ствѣ», гдѣ собрано все имѣющееся въ рус-
ской и иностранной литературѣ по этому
вопросу съ талантливой критической
оцѣнкой каждаго факта. Въ это время В. О.
сталъ принимать дѣятельное участіе на
курсахъ Герье, гдѣ читалъ лекціи по рус-
ской исторіи на историческомъ отдѣленіи.
Къ этому же времени относится начало его
публицистической дѣятельности: онъ помѣ-
стилъ въ «Русской Мысли» статьи: «Про-
исхожденіе крѣпостного права» (1885 г.),
«Подушная подать и отмена холопства
въ Россіи» (1886 г.), «Составъ представи-
тельства на земскихъ соборахъ древней
Руси» (1890—92 гг.) и цѣлый рядъ ста-
тей популярно-публицистическаго харак-
тера: «Евгеній Олбгнъ», «Добрые люди
старой Руси», «Два воспитанія», «Воспо-
минанія о Н. И. Новиковѣ и его времени»
и друг. Послѣ закрытія курсовъ Герье В. О.
участвовалъ въ организациі московскими
профессорами публичныхъ лекцій. Изъ его
другихъ трудовъ извѣстны: «Русскій
рубль XVI—XVIII ст. въ его отношеніи къ
нынѣшнему» (1884 г.), и изъ болѣе позд-
нѣйшихъ: «Краткое пособіе по русской
исторіи» (съ 1889 года семь изданій),
«Курсъ русской исторіи» (начался печата-
ніемъ въ 1904 г., первый томъ вышелъ
третьимъ изданіемъ, второй томъ—вто-
рымъ). Полный списокъ трудовъ проф.
Ключевскаго составленъ Е. Барсковымъ и
напечатанъ въ «Сборникѣ статей, посвя-
щенныхъ В. О. Ключевскому» (1909 г.).
Императорская Академія Наукъ отмѣ-
тила его заслуги избраніемъ его въ
1909 г. въ почетные академики по разряду
изящной словесности, Московскій универ-
ситетъ поднесъ ему дипломъ и званіе сво-
его почетнаго члена.

Н. А.